

А.В. ДУХНОВИЧ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНИХ ДВИЖЕНИЙ В ГАЛИЦИИ 1848–1849 гг.

ФАЛЬКОВИЧ С.М. (Москва)

Революция 1848–1849 гг. обострила национальные отношения во многих частях европейского пространства – там, где этнический состав населения был неоднороден, и прежде всего это касалось многонационального государства Габсбургов. В частности, в Галиции активизировались польское и украинское национальные движения, их развитие шло бок о бок, пересекалось и вело к конфронтации [1].

Поляки, стремившиеся к воссозданию единого Польского государства как к конечной цели, на этапе национальной борьбы в Галиции этих лет выдвинули программу национальной автономии в рамках Габсбургской монархии. Такую национальную программу содержала петиция императору от 18 марта 1848 г., выработанная представителями львовской шляхты и интеллигенции. Эту линию стала активно проводить созданная в апреле львовская Национальная Рада, получившая наименование Центральной (ЦНР). Она добивалась назначения в крае губернатора-поляка, созыва провинциального сейма, полонизации администрации, суда и школы, создания польской национальной армии и гвардии. При этом подчеркивалась лояльность в отношении Вены, что обуславливалось опасением перед социальным взрывом: ведь в галицийской деревне польским помещикам в значительной степени противостояло украинское крестьянство, и была свежа память о «галицийской резне» 1846 г., когда при попустительстве австрийского правительства крестьяне выступили против шляхетских революционеров. Да и сам украинский вопрос также был сдерживающим фактором: поляки боялись, что австрийские власти используют польско-украинские противоречия, которые существовали, но замалчивались польской стороной.

В петиции 18 марта не было ни слова о национальных правах украинцев. ЦНР, хотя и призывала «братьев-русинов» к сближению и единству действий, но говорила только о равенстве. Польские деятели отказывались признавать украинцев самостоятельным народом. Так же как они видели в евреях «поляков иудейского исповедания» и рассчитывали на поддержку ими польского дела, так и украинцев считали ветвью польского племени, которая отличается от поляков не более, чем жители Севера и Юга Франции разнятся между собой. Так писала польская пресса, утверждавшая, что в Польше никогда не было «украинского народа» [2]. А польские делегаты на Славянском съезде в Праге в июне 1848 г. заявляли, что «польский язык – это усовершенствованный украинский» и «польская литература – общая и для русинов» [3]. Правда, желая обеспечить поддержку своих требований со стороны украинского населения Галиции, а с другой стороны, опасаясь враждебных выступлений и возможного административного раздела провинции на польскую и украинскую части, ЦНР готова была идти на некоторые уступки русинам в вопросах равной оплаты католических и униатских священников, употребления украинского языка в школах и консисториях и др. В Раде звучали требования «сделать украинскую национальность явной, принять герб льва и называть ее украинско-польской национальностью». Но в манифесте, принятом Радой, хотя и говорилось, что права украинского народа для поляков «так же святы и нерушимы, как их собственные», однако подчеркивалось, что «украинская национальность не может иметь иных, чем польская национальность, потребностей – и желания, и цели обеих сегодня одни и те же» [4].

Такая постановка вопроса не отвечала чаяниям галицийских украинцев, которые стремились получить национальные и политические права, развивать свой язык и культуру, вести работу по национальному просвещению, создать собственные национальные организации, свою прессу. Поэтому даже демократически настроенная часть украинской интеллигенции, положительно относившаяся к союзу с поляками, критиковала польскую петицию императору. Одним из первых с такой критикой выступил И. Бирецкий в польской демократической печати. Позже осуждение польской позиции в украинском вопросе высказывал В. Подолинский [5]. Большая часть украинской общественности относилась с недоверием к польским деятелям и решила сделать ставку на австрийское правительство, направив императору свою петицию. В ответ Вена заявила о согласии предоставить украинцам право занимать должности, дать языковые и религиозные гарантии. Эту намеченную линию сотрудничества с Габсбургами стала осуществлять созданная в начале мая 1848 г. Головна Руська Рада, куда вошли представители униатского духовенства и интеллигенции. Она провозгласила идею единства украинской нации, имея в виду не только русинов по обе стороны Карпат, но и заднепровских украинцев.

Поляки хотели избежать открытой конфронтации и воспрепятствовать украинскому сепаратизму «мирным» способом. Был создан Руський Собор – организация, альтернативная Головной Раде; последняя объявлялась нелегитимной и не выражающей дух украинского народа. «Требую национальности», основатели Собора заявляли, «что хотя по племени являются русинами, но хотят быть навсегда с польским народом»; некоторые из них так и называли себя: «gente rutheni natione poloni» [6].

Обе конкурирующие организации послали своих делегатов в Прагу на Славянский съезд и претендовали там на право представлять украинский народ. На заседаниях польско-украинской секции съез-

да шли жаркие споры. Украинцев поддерживали чехи: по инициативе Ф. Палацкого украинский вопрос был включен в текст проекта манифеста к народам, а делегаты Головной Рады приняли выдвинутую чехами концепцию австрославизма. Поляков очень беспокоили планы раздела Галиции, и они всеми силами пытались добиться компромисса с украинцами. При посредничестве чехов удалось подписать соглашение, названное «Требования украинцев в Галиции»: оно говорило о гарантиях неприкосновенности каждой нации в Галиции, равенстве прав в гуманитарной, политической и религиозной сферах; предполагалось создать в крае общую центральную власть и двуязычный сейм; двуязычие предусматривалось также в школах и администрации при смешанном населении, язык обучения определялся по большинству, а национальному меньшинству предоставлялась возможность иметь свои школы [7].

Соглашение должно было стать составной частью адреса съезда к императору, но делегаты не успели принять этого документа. Не состоялась и ратификация польско-украинского соглашения галицийским съездом: он не был созван. После Пражского съезда польско-украинское противостояние продолжилось – украинцы организовали массовый сбор подписей под требованием раздела Галиции. На местах создавались отряды украинской Национальной гвардии в противовес польским, но ЦНР боялась этому противодействовать. Она все также звала украинцев к единству действий, и это продолжалось вплоть до ее роспуска, наступившего после подавления вооруженных выступлений во Львове 1–2 ноября 1848 г., в которых, по иронии судьбы, соединились польские и украинские участники. Головна Руська Рада просуществовала дольше – до 1851 г. Она приняла октроированную Веней в марте 1849 г. конституцию и уже на излете революции дождалась от Венны реализации ее обещаний, хотя из самой конституции, где не упоминалось об украинцах, было ясно, что ждать нечего.

Тем не менее украинцы в Галиции добились определенных завоеваний, главным образом в области просвещения и культуры. Во Львовском университете открылась кафедра украинского языка, он получил доступ в школу. Родилась украинская пресса – газеты «Зоря Галицка», «Пчола», «Новини», «Дневник Руський». Возникло издательство украинской литературы – Галицько-Руська матица. Это способствовало подъему литературного творчества, ознакомлению с ним широкой аудитории, распространению национальных и патриотических идей. Центром национального просвещения стали Народный дом во Львове, первые народные читальни, а также театральная сцена Львова и других восточногалицийских городов и сел. Львов выступал и как центр объединения украинской интеллигенции: в октябре 1848 г. там состоялся Собор руських ученых, где присутствовали деятели украинской культуры и просвещения из разных частей Австрийской империи.

Представители Закарпатья и Буковины поддерживали с галицийскими деятелями тесную связь, активно сотрудничали с ними на съезде в Праге. Им импонировали успехи, достигнутые украинской общественностью Галиции в сфере национального просвещения. Они установили сношения с львовскими газетами, которые, как заявляли их издатели, предназначались для «галицко-угорско- и буковинско-русского народа»[8]. На страницах этих изданий выступали А. Духнович, А. Добрянский и другие закарпатские деятели. Обратив особое внимание на развитие украинского движения в Галиции их заставляла и сама ситуация, сложившаяся в Закарпатье. Демократические лозунги венгерской революции были с надеждой восприняты и поддержаны прогрессивной украинской интеллигенцией, в т. ч. и Духновичем, выступления которого в 40-е гг. носили оттенок определенной оппозиционности в отношении Вены. Он придавал большое значение факту существования венгерской конституции для развития общест-

венной жизни и в канун революции работал в комитатских органах, а с октября 1847 по апрель 1848 г. был депутатом венгерского сейма от пряшевской епархии и заседал в Братиславе. Духнович надеялся, что демократические реформы принесут национальные свободы и равенство. На основе нового закона о выборах он старался провести в венгерский сейм представителя украинского народа и даже рассчитывал, что он может занять министерский пост. Однако результаты выборов были аннулированы венгерской революционной властью, которая с самого начала встала на позицию национальной нетерпимости в отношении славянского населения. Неоднократные заявления Л. Кошута в этом духе фиксировались Духновичем. Он все больше разочаровывался в революционном реформаторстве венгров, называл конституцию «мнимой»[9]. Сильным потрясением для него стал арест в апреле 1849 г., когда венгерские революционные войска заняли Пряшев. Его повезли на суд трибунала в Кошице и лишь благодаря хлопотам епархии он был отпущен под надзор полиции.

К этому времени Духнович уже отдавал себе отчет, что надежды на венгерскую революцию не оправдались и для Закарпатской Украины нужны другие ориентиры. Таким ориентиром стало объединение усилий славянских народов Австрийской империи. Еще на Пражском съезде галицийские делегаты выступили с этой идеей. Осенью 1848 г. возник проект составленной Палацким Кромержицкой конституции, предусматривавшей переустройство монархии Габсбургов в федерацию 8 союзных областей, одна из которых должна была включить польские и объединенные украинские территории. Тогда же в «Зоре Галицкой» появился призыв к закарпатским братьям вместе выступить против венгров [10]. В отличие от большинства представителей польского национального движения, рассчитывавших на венгерских союзников и стремившихся «помирить» их со славянами, деятели украинского движения в Галиции считали

венгров неизменными врагами славянства, и в связи с этим концепция переустройства Габсбургской монархии на основе федерализма, предопределявшая ведущую роль славян в империи, была им близка. В известной мере идея австрославизма была подсказана самими Габсбургами, но для славян она представлялась лучшим выходом из положения, так как давала возможность для национального развития каждому народу, в т. ч. и украинцам, Духнович рассматривал власть Вены как «наименьшее зло». В написанной вскоре после революции пьесе «Добродетель выше богатства» он объяснял, что победа венгров

означала бы гибель для русинов и всех австрийских славян, а потому враги венгров и друзья Вены являются и друзьями славян [11]. В произведениях Духновича этого периода постоянно присутствует мысль о верности и преданности трону Габсбургов и персонально молодому императору Францу Иосифу. Тогда же стал все более ясно звучать призыв к единству славян, и прежде всего к объединению украинцев, В первую очередь, Духнович обращался к галицийским русинам, при этом вспоминая обо всем, чего они добились в ходе национальной борьбы:

«Галичане приятели, ближайши суседи,
Близце брата едной мысли, едныя беседы,
Хоть недавно розвилася вам зелена весна,
И уже вся ревность ваша свету е чудесна.
Зоренька ваша блистае,
Вам Пчола летае,
Вас Вестник наминае,
Матиця питае.
Матиця ваша и наша суть власны сестры,
Дай Боже, чтобы им цвели косиченьки пестры.
Дайте руку, мы вам даме сердце, душу смело,
Будемо себе побратими, будьме едно тело» [12].

Идея сплотиться в «одно тело» вылилась в план административного объединения Галиции и Закарпатья. Активным участником переговоров на эту тему с львовской Головной Руськой Радой являлся Добрянский. Весной 1849 г. был составлен совместный «Мемориал» и в виде петиции передан императору. Относительно участия Духновича в работе над петицией документальных подтверждений нет, но имеются косвенные свидетельства его причастности или по крайней мере поддержки и одобрения замысла. 18 апреля 1849 г. в «Зоре Галицкой» появилась его статья «Состояние русинов в Угорщине» [13], которую редакция, предварила такими словами: «Нам приятно, что мы можем поместить статью о наших родных братьях угорских русинах, которые теперь очень хотят объединиться со своими братьями галицкими русинами,

будучи притесненными дикими мадярами, врагами Царя нашего Австрийского и всей славянщины».

Статья представляла исторический очерк развития украинского народа в Закарпатье, рисовала картину захвата и порабощения его мадярами. Духнович доказывал, что до установления венгерского господства закарпатские русины не были отделены от общерусского племени и государства, распространявшегося до Дуная. Он рассказывал, как происходило закабаление украинских крестьян, уничтожение и ассимилирование украинского дворянства. Подчеркивая разрушительные последствия Ужгородской унии 1649 г., Духнович отмечал в то же время роль священников в борьбе против денационализации русинов. Переходя от описания тысячелетней истории насилия «свободолюбивых» мадяр над украинцами к из-

ложению событий революционных лет, Духнович писал: «Недоля угорских русинов накануне 1848 г. была уже так велика, что никто и никогда не мог ожидать, что в результате этого года свободы еще большие несчастья свалятся на бедную Угорскую Русь, а однако, так произошло». Он обвинял венгров в продолжении той же политики насилия, но еще более жестокой: украинский язык вытеснен из всех учреждений, и русины не знают решений власти, не имеют защиты в судах; они задавлены податями и поборами, у них отняты все земли, а теперь отбирают и скот; венгерские солдаты жгут села, оскверняют церкви, вешают крестьян, под угрозой виселицы принуждают их к несению барщины, к принятию венгерского языка и кальвинистской веры. Но, как подчеркивал Духнович, русины верны императору: он приводил примеры их преданности и героизма в борьбе с мадьярами. Отмечая, что Кошут доверяет оружие всем, кроме русинов, он утверждал: «Мадьяры боялись и боятся все храброго народа русского, и я крепко надеюсь, что весь народ угорско-русский под национальным руководством каждый день готов выступить за своего царя и победить мадьярских врагов. [...] Таков славный народ русский в Угорщине, притесняемый мадьярами в течение десяти веков и такой народ несомненно заслужил милость Его Императорского Величества». Однако, констатировал Духнович, в новой австрийской конституции нет упоминания о 700 тыс. русинов Закарпаття, и в результате конституция лишь ухудшила их положение: «Сей честный народ, который очень желает союза со своими братьями в Галичине, через конституцию опять попал под ярмо своих азиатских врагов, при том больше, чем до 1849 г.; поскольку теперь братья русины, сербы, или хорваты, славонцы и часть румын отпали от Угорщины, то русины тем больше почувствуют мадьярское насилие, чем более явно, что они во время нынешней революции не преминули сильно выступить за царя и державу». Духнович предрекал горькую участь 700 тыс.

закарпатских украинцев, не представленных ни в имперском, ни в краевом сейме, не имеющих ни денег, ни земель, ни административной защиты: «и так в скором времени они полностью утратят свою национальную жизнь, если Его Императорское Величество не изволит милостиво повелеть желанного союза всех австрийских русинов в единой губернии». Он вновь напоминал об исторических правах закарпатских украинцев: «Угорские русины, давно соединенные с галицкими, были в самой Угорщине признаны самобытным народом, ибо в XIV в. имели русского воеводу; Угорская Русь имеет тем самым и исторические права на желанный союз и потому считала нужным подать просьбу о том как Головной Руськой Раде во Львове, так и Его Императорскому Величеству в надежде, что Правительство, милостиво склонившись на просьбу, изволит обещанное всем австрийским народам равноправие распространить и на племя угорско-русское».

Таким образом, статья Духновича, вышедшая в момент представления императору совместной петиции галицийских и закарпатских украинцев, служила идеологическим обоснованием и пропагандистской поддержкой идеи объединения. Надежда на этот союз вдохновляла Духновича, так как такое решение украинского вопроса являлось оптимальным в той обстановке. Но главной его мечтой, которой он жил, «но только в идеалах», была «русская надежда», надежда на великую славянскую державу Россию [14]. В июне 1849 г. он восторженно воспринял поход русской армии на усмирение венгерской революции и в своей очень краткой автобиографии уделил этому событию большое место: «Одна моей жизни радость восхитила меня, и то было в 1849 г., когда я в первый раз увидел славную русскую армию, пришедшую на покорение бунтующих мадьяр. Я не в силах описать, ни даже вдохнуть чувство радости, увидев первого на улице пряшевского казака, я восхищен плясал и плакал, ронились тучей слезы, и рек: ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко ... То была, верно скажу, пер-

вая, да, быть может, и последняя радость моей души, и она всегда в памяти» [15].

В 1849–1850 гг. Духнович еще рассчитывал на австрийское правительство, считая его также защитником и спасителем славян от венгров. В 1850 г. он писал: «О, уже текла на нас гибели пучина, уже обрушивалась на нас водная стихия и вот-вот накрыла наш народ грозными валами, когда Вседержитель ... раздвинул перед нами море на две стены, то есть австрийскую и российскую, и мы – о радость великая – идем посреди живые ... в обещанный и сладкий покой» [16]. Но обещания Вены оказались обманом. Она отвергла просьбу об объединении территорий галицийских и закарпатских русинов в одну админист-

ративную единицу. Остались невыполненными и те обещания, которые династия дала русинам в ответ на новую петицию, поданную уже после разгрома венгерской революции. Речь там шла о признании украинской национальности в Венгрии, создании украинских округов, администрации, школы и печати. Об объединении с Галицией не упоминалось: новая ситуация сделала реализацию этого совместного плана невозможной. Подтверждением стало и то, что в произведениях Духновича последующих лет больше не звучала эта мысль, сам же он в 1851 г. был арестован, а затем отдан под надзор полиции уже австрийскими властями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подробнее см.: Фалькович С.М. Украинский вопрос и польское национальное движение в Галиции в 1848-1849 гг. // Четвертый міжнародний конгрес українців. Історія. - Ч.1. - Одеса, 1999; Европейские революции 1848 года: "принцип национальности" в политике и идеологии. - М., 2001
2. Европейские революции... - С. 248.
3. Там же. С. 246; Криль М.М. Питання національної самобутності українців Галичини на Слов'янському з'їзді 1848 р. у Празі // Славістичні студії. - Львів, 1997. - Т. I. Матеріали V-го Міжнародного славістичного колоквіуму (Львів 14–16 травня 1996 р.) - С. 135–136.
4. Protokoły Rady Narodowej Centralnej (19.IV – 24.X.1848). - Warszawa, 1996, S. 35, 41, 46; «Rada Narodowa». - Lwów. - 10.V.1848. - N 16.
5. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. - М., 1980. - С. 474, 477.
6. Protokoły... - S. 51, 53–54, 93–94, 100; Криль М.М. Указ. соч. - С. 134.
7. Криль М.М. Указ. соч. - С. 137.
8. См., в частности: Зоря Галицька. - Львів, 1848–1849.
9. Духнович О.В. Твори. - Т. I. - Пряшев, 1968; Рудловчак О. Олександр Духнович. Життя і діяльність // Там же.
10. Европейские революции... - С. 325–326; Зоря Галицька. - Львів, 1848. - № 30–31. Додаток.
11. Духнович О.В. Указ. соч. - С. 87, 594.
12. Там же. - Т. 3. - Пряшев, 1989. - С. 153–154.
13. Там же. - С. 235–238; Зоря Галицька. - Львів, 1849. - № 31.
14. Духнович О.В. Указ. соч. - Т. I. - С. 88.
15. Там же. - Т. 3. - С. 405.
16. Там же. - С. 161–162.

РЕЗЮМЕ

О.В.ДУХНОВИЧ В КОНТЕКСТІ НАЦІОНАЛЬНИХ РУХІВ У ГАЛИЧИНІ 1848-1849 рр.

Фалькович С.М. (Москва)

У публікації розглядається суспільно-політична діяльність О.В.Духновича в роки революції 1848-1849 рр. у Галичині. Констатується, що Духнович спочатку розраховував на австрійський уряд, вважаючи його захисником і рятівником слов'ян. Але ці розрахунки виявилися марними. Сам Духнович в 1851 р. був заарештований, а потім переданий під нагляд поліції.

ZUSAMMENFASSUNG

A.V. DUCHNOVYTSCH IM KONTEXT DER NATIONALEN BEWEGUNGEN IN GALICIEN IN DEN JAHREN 1848-1849

Falkovytsch S. (*Moskau*)

In der Publikation wird gesellschaftlich-politische Tätigkeit von A.Duchnovytsch in den Jahren der Revolution 1848-1849 in Galicien betrachtet. Es wird konstatiert, dass Duchnovytsch zuerst auf die österreichische Regierung gerechnet hat und hielt sie für einen Beschützer und Retter der Slaven. Aber diese Hoffnungen erwiesen sich als vergeblich. Im Jahre 1851 wurde Duchnovytsch verhaftet und stand unter der Polizeiaufsicht.

**ЦЕНТРАЛЬНА УКРАЇНА В КУЛЬТУРНИХ ЗВ'ЯЗКАХ ІЗ
ЮГОСЛОВ'ЯНАМИ В ХІХ ст.**

ШЕВЧЕНКО С.І. (Кіровоград)

Рубіж ХХ-ХХІ ст. ознаменувався помітними змінами на політично-адміністративній карті Східної та Південно-Східної Європи. Розпад СРСР, Чехословаччини та Югославії привів до утворення або відновлення кільканадцяти слов'янських держав. Державотворчі процеси, які тривають останнє десятиріччя, поставили на порядок денний визначення внутрішніх і зовнішніх пріоритетів молодих країн. За цих умов важливо звернутися до аналізу минулого, коли було нагромаджено досвід міжслов'янського співробітництва у різних галузях. Та практика мала місце, як на рівні керівництва держав, так і на рівні народної, громадської дипломатії. Особливе місце тут посідають культурні зв'язки близьких за походженням, вірою, мовою слов'янських народів. Українські землі завжди посідали особливе місце в цих взаємовідносинах і взаємовпливах, у т.ч. й з югослов'янами. Бо, хоча й входили століттями до сусідніх імперій, все ж географічне положення було вигідним саме задля слов'янського вектора міжнародних зв'язків. Залишається воно таким і в умовах незалежної держави. Коли військово-політичні та економічні блоки не дають уже на поч. ХХІ ст. усім слов'янським народам об'єднатися у спільній Європі, саме культурне співробітництво залишається важливим фактором

традицій зв'язків їх держав, які сьогодні входять або претендують до різних євразійських, європейських чи євроатлантичних структур.

ХІХ ст. незважаючи на часті війни, національно-визвольні повстання у Східній та Південно-Східній Європі все ж мало менше кардинальних змін на політико-адміністративній карті слов'янських земель порівняно, скажімо з ХХ чи й ХVІІІ ст. Досвід культурних зв'язків українців з югослов'янськими народами аналізується у низці праць українського історика О. Павлюченка [1]. Причому досліджено широкий спектр їх напрямків: музичне і образотворче мистецтво, освіта, товариства, книговидавництво, наука тощо. Підкреслено особисту роль у співробітництві М. Гоголя, В. Григоровича, В. Караджича, С. Новаковича, С. Степняка-Кравчинського та ін. Акцент у географії зв'язків було зроблено на Причорномор'я та крупні міста (Харків, Київ). Цим проблемам приділяв увагу і Л. Ляшенко [2]. Помітним напрямком в українсько-сербському культурному співробітництві були і літературні зв'язки. Перш за все інтерес викликають статті, рецензії, переклади безпосередніх їх учасників І. Франка [3], М. Старицького [4] та ін. В останні десятиріччя літературознавцями їх аналізу присвячено ряд публікацій [5].